

УДК 94(571.1/.5).06/.07

ББК 63.3(253)51

Управленческий статус командиров Верхнеиртышских крепостей в первой половине XVIII в.*

Д.С. Бобров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Administrative Status of Leaders of the Upper Irtysh Fortresses in the First Half of the 18th Century

D.S. Bobrov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Публикация отражает итоги изучения деятельности низовых звеньев системы управления российскими крепостями в Верхнем Прииртышье в первой половине XVIII в. Автор исходит из тезиса о существовании двух оригинальных моделей (вариаций) построения локальных ярусов управленческой иерархии в Верхнем Обь-Иртышье. На основе административного дискурса соответствующего периода вводится в научный оборот и активно используется в тексте понятие «Верхнеиртышские крепости». Привлечение корпуса неопубликованных документов из фондов центральных архивов позволило определить руководителей гарнизонов крепостей на Иртыше в качестве ключевых управленческих единиц, осуществлявших администрирование в локальном районе; автор рассматривает факторы их институционализации и реконструирует сферу компетенции. Выделяются и раскрываются оборонительная, дипломатическая и таможенно-полицейская функции. Подчеркивается, что определенная деградация архитектуры функционального статуса управленцев в иртышских крепостях не только не снижала эффективности администрирования, но во многом соответствовала освоенческим реалиям территории и состоянию ресурсной базы.

Ключевые слова: Верхнеиртышские крепости, Ямышевская крепость, сибирский губернатор, штаб-офицеры, гарнизонные канцелярии, Верхнее Обь-Иртышье, Джунгарское ханство.

DOI 10.14258/izvasu(2017)5-02

The publication reflects the results of research dedicated to the work of lower strata of Russian fortress administration system of the Upper Irtysh area in the first half of the 18th century. The author proceeds from the proposition of two original constructing local tiers models of administrative hierarchy in the Upper Ob-Irtysh area. Based on the administrative discourse of the relevant period, the definition “Upper Irtysh Fortresses” is introduced in scientific circulation and widely used in the text. Involvement of unpublished documents from central archives allowed identifying the Irtysh fortresses’ garrison’s leaders as key administrative units in the local area; the author considers their institutionalization factors and reconstructs their competence. Defensive, diplomatic and customs functions are singled out and considered. In conclusion, it is emphasized that certain degradation of the architecture of managers’ functional status in the Irtysh fortresses did not reduce the administrative effectiveness, but in many respects corresponded to the realities of territory developmental and the state of the resources basis.

Key words: the Upper Irtysh fortresses, the Yamishevskaya fortress, Siberian governor, staff officer, garrison chancelleries, Upper Ob-Irtysh area, Dzungarian Khanate.

---

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и администрации Алтайского края в рамках реализации проекта № 17-11-22006 «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII — начала XXI в.».

Активное продвижение Российской империи в Верхнее Прииртышье и сооружение ряда крепостей в конце 10-х — начале 20-х гг. XVIII в. [1, с. 122–137, 165–177, 261–275, 281–290, 319–329, 335–352] потребовало создания эффективной системы управления, которая была призвана стать едва ли не ведущим фактором укрепления влияния России в регионе. Значительно более острая военно-политическая обстановка, открытая агрессия джунгар при строительстве первого Ямышевского острога И.Д. Бухгольцем [1, с. 122–137, 165–177; 2, с. 37–42] в сочетании с крайне слабым колонизационным потенциалом Верхнего Прииртышья для крестьянского освоения обусловили невозможность механической перцепции характерной для Верхнего Приобья модели гражданского управления «воевода — приказчики острогов и слобод». Дополнительные сложности были связаны с тем, что Прииртышье в соответствии с административно-территориальным делением не относилось к Кузнецкому уезду и находилось в своего рода подвешенном состоянии [3, с. 78].

Специфика фондообразования центральных архивов предопределила концентрацию внимания исследователей на смежных с управлением крепостями вопросах. М.О. Акишин сосредотачивается на рассмотрении функционального статуса сибирского губернатора и воевод [3], В.А. Моисеев делает акцент на нюансах русских экспедиций в Верхнее Прииртышье в контексте дипломатической политики [2, с. 37–42], а В.Б. Бородаев и А.В. Контев — на обстоятельствах сооружения российских крепостей в регионе [1, с. 122–137, 165–177, 261–275, 281–290, 319–329, 335–352]. Реконструкция опыта администрирования укреплениями в регионе произведена С.Р. Муратовой [4, с. 167–184], но характерна для середины — второй половины XVIII столетия. Административной деятельности «комендантов» крепостей посвящена работа Д.А. Ананьева [5, с. 38–42], но она носит во многом постановочный характер. Таким образом, историография до сих пор не содержит специальных работ, посвященных управлению крепостями в Прииртышье в первой половине XVIII в.

В этой связи целью текущего исследования явилось раскрытие функционального статуса руководителей гарнизонных канцелярий российских крепостей на Иртыше в первой половине XVIII в. В этот период укрепления будущей Иртышской оборонительной линии в имперском административном дискурсе именовались «Верхнеиртышскими крепостями».

Системообразующими звеньями административной вертикали управления Верхнеиртышскими крепостями выступали Военная коллегия и Сибирская губернская канцелярия. Указы коллегии и губернатора направлялись командиру Верхнеиртышских крепостей — старшему по званию штаб-офицеру, контролировавшему все гарнизонные канцелярии. Командир Верхнеиртышских крепостей располагался

в Ямышевской крепости и на протяжении всей первой половины XVIII в. совмещал должность начальника гарнизона этой крепости и старшего по всем укреплениям Иртышской линии. Наиболее известными руководителями Ямышевской гарнизонной канцелярии являлись майор И.М. Вельяминов-Зернов, секунд-майор А. Зыбин, подполковник Т. Зорин.

Непосредственное администрирование в крепостях осуществляли командиры — штаб-офицеры, управлявшие гарнизоном крепости. Наличие гарнизонных канцелярий являлось особенностью южных районов Западной Сибири как колонизируемой окраины [5, с. 38]. В литературе руководители гарнизонных канцелярий крепости именовались «комендантами» [5, с. 39–41], однако официально такой статус был присвоен соответствующим управленцам лишь при И.И. Шпрингере в 1765 г. [4, с. 176]), а в административном дискурсе первой половины XVIII в. упоминались «командиры». Штаб-офицеры, возглавлявшие канцелярии, получали прямые указы Военной коллегии и сибирского губернатора, однако подотчетны были только региональной гражданской власти: командир Верхнеиртышских крепостей отправлял в губернскую канцелярию доношения, составленные в свою очередь на основе доношений штаб-офицеров из каждой крепости.

Институционализация командиров крепостей Иртышской линии как административных структур проходила в ситуации возникновения системных противоречий между взглядами Военной коллегии и интересами региональной администрации. Кроме того, в отличие от приказчиков острогов Верхнего Приобья, получавших при вступлении в должность наказную (воеводскую) память, для управленцев в Верхнеиртышских крепостях отсутствовал какой-либо правоустанавливающий документ, относительно четко определявший сферу их компетенции. Как следствие, в процессе администрирования руководителям гарнизонных канцелярий приходилось опираться исключительно на спускавшиеся sporadически сверху акты. Это создавало максимально императивный характер управления, предполагавший практически полное устранение формально-правовых вариантов диспозитивного поведения.

Соответствующий эффект усиливался за счет узости круга лиц, подпадавших под административный надзор локальных управленцев. К середине 20-х гг. XVIII в. во всех Верхнеиртышских крепостях насчитывалось в общей сложности 750 казаков, в том числе в Ямышевской, Омской и Семипалатинской по 200 человек, в Усть-Каменогорской — 100, в Железинской — 50 [6, л. 21об.]. В течение десятилетия численность гарнизонов возросла несущественно и составила 782 казака [6, л. 22–23]. К 1735 г. число командированных казаков сократилось до 674 [7, с. 23]. При этом только в районе Ямышевской, Омской и Железинской крепостей имелись хотя бы незначительные селения с гражданскими жителями [8, л. 630].

Специфика институционализации и немногочисленность поднадзорного населения в своей совокупности предопределили ограниченность функционала командиров крепостей. Деятельность штаб-офицеров осуществлялась по нескольким направлениям: оборонительное, дипломатическое и таможенно-полицейское.

В условиях перманентной угрозы набегов кочевников оборонительная функция обладала приоритетной значимостью и дифференцировалась на ряд аспектов. Прежде всего устанавливалась система охраны с целью «дабы неприятельские люди между верхиртышских крепостей не просочились». Военная коллегия поручала дважды в год командиру Верхнеиртышских крепостей совершать «разведку» — объезжать все укрепления линии с целью осмотра их состояния. Штаб-офицерам, управлявшим гарнизонными канцеляриями, предписывалось в обязательном порядке дважды в месяц совершать объезд форпостов и редутов, находившихся в непосредственной близости от укреплений [9, л. 45].

В случае потенциальной военной угрозы губернская канцелярия посылала в Верхнеиртышские крепости указы «об имени строгой предосторожности [...] и в российския границы чинит военный отпор» [9, л. 3; 10, л. 2]. В этих случаях командир Верхнеиртышских крепостей рассылал в гарнизонные канцелярии каждой крепости аналогичные директивы. В случае нападения на крепость или прилегавшие к ней укрепления всем штаб-офицерам следовало незамедлительно известить командира Верхнеиртышских крепостей. Никаких конкретных инструкций по отражению набегов не существовало [10, л. 9об.–10; 11, л. 9–10]. Причем, несмотря на свою кажущуюся примитивность, такая практика оказывалась достаточно жизнеспособной. В Ямышевскую канцелярию стекалась вся информация относительно изменения обстановки в локальных районах как выше по течению Иртыша, так и ниже. Как правило, доношения штаб-офицеров были сходны по содержанию и составлялись примерно по одному шаблону: «возымелись де в прибытии к ним к крепости к Семиполатной по другой стороне Иртыша реки со степи владения Галдан Чирина калмыки сто человек» [11, л. 9].

Большинство таких «визитов» заканчивалось мирно, стычки и нападения на крепости на протяжении второй половины 20-х — середины 40-х гг. XVIII в. не зафиксированы. Гораздо больше волнений штаб-офицерам доставляли инциденты, связанные с отправкой в верховья и на другую сторону Иртыша солдат для выполнения хозяйственных работ (в частности, заготовки сена). Начиная с 20-х гг. и вплоть до середины XVIII в. командиры гарнизонных канцелярий испытывали серьезнейшие трудности со снабжением провиантом и фуражом, так как в случаях перебоев поставок из административных пунктов Кузнецкого уезда штаб-офицеры фактически оставались с проблемой один на один. Особого внимания заслуживает случай, произошедший в 1734 г. Командир Семипалатинской крепости

Башманов приказал капралу И. Шпыневу вместе с 34 солдатами выдвинуться в район Стеклянного острова, располагавшегося в пяти километрах южнее крепости. После того, как там была выкошена вся трава, И. Шпынев самовольно решил отправить двух человек в лодке на левый берег Иртыша в район впадения в него реки Ленежки «для присмотру травы». Сойдя на берег, солдаты столкнулись с калмыцким отрядом численностью более 100 человек. И. Шпыневу не оставалось ничего другого кроме как бросить все основные силы на выручку солдат. Подоспевшие на лодках русские с колоссальным трудом обратили калмыков в бегство, однако не смогли спасти солдат С. Чухреева и И. Шапова [11, л. 9об.–10]. Безответственностью как И. Шпынева, так и Башманова откровенно возмущался командир Верхнеиртышских крепостей А. Зыбин [11, л. 10].

Не меньшую тревогу как командиров иртышских крепостей, так и региональной администрации вызывали учащавшиеся стычки в приграничной зоне между русскими крестьянами и кочевниками. Сенокосные угодья на левой стороне Иртыша долгое время оставались крайне притягательными для русских крестьян и рабочих Кольвано-Воскресенских заводов. В результате таких «походов» на другой берег Иртыша с середины 30-х по середину 40-х гг. XVIII в. погибло около 10 человек и почти в два раза больше были изувечены. Как правило, джунгары или киргизы нападали небольшими отрядами по 25–35 человек с конкретной целью угона лошадей у русских. Насилие над крестьянами выступало сопутствующим фактором [9, л. 211].

После печального опыта 1734 г. командиры крепостей лишь фиксировали такие случаи, но практически никогда не вмешивались, ограничиваясь сообщением вышестоящему начальству: «почти каждой год на том сенокосе от воровских людей нападением вред чинится» [12, л. 2]. Значительно больше внимания уделялось случаям нападения на русских на правом берегу Иртыша и в районе Кольвано-Воскресенских заводов [12, л. 229]. Информация о таких нападениях поступала к командирам крепостей Иртышской линии уже постфактум, спустя от 2 до 10 дней, что лишало их возможности осуществлять поиск недоброжелателей по горячим следам. В ситуации значительного территориального разрыва между укреплениями Иртышской линии и фактической оголенности района кольванских предприятий с юга, русские укрепления в Прииртышье изначально не могли полностью обеспечить безопасность процессов хозяйственного освоения региона, а пассивность командиров крепостей в вопросах предотвращения стычек имела под собой как объективную, так и субъективную подоплеку.

Внутри оборонительной функции командиров крепостей фактически самостоятельный характер приобретала разведывательная деятельность. Наибольшей эффективностью со всех точек зрения

обладала активная разведка, заключающаяся в отправке в Прииртышье специальных отрядов.

Сбор разведывательной информации мог носить и вполне осознанный, конкретный интерес. В 1743 г. между жителями Прииртышья и русскими военными командами распространился слух о кончине Галдан Цэрена [9, л. 207]. С целью верификации многочисленных, но при этом хаотичных сообщений командиру Верхнеиртышских крепостей полковнику Т. Зорину губернской канцелярией поручалась реализация целой разведывательной программы. Прежде всего надлежало выяснить, жив ли джунгарский правитель, далее рекомендовалось установить диспозицию и настроения внутри ойратской элиты. Самым сложным для командира Верхнеиртышских крепостей стал последний пункт, предписывавший отслеживать динамику джунгарско-китайских отношений в контексте обеспечения безопасности русских крепостей в Прииртышье [9, л. 209–210].

Внимания командиров группы Иртышских крепостей требовал и вопрос поддержания укреплений в актуальном состоянии, необходимом для отражения потенциального набега. В этом случае ими проводились обследования, сопровождавшиеся достаточно внушительной аналитической выкладкой [8, л. 629].

Генезис дипломатической функции в административном статусе командиров крепостей связан с тем, что именно через Верхнее Прииртышье пролегал путь как российских дипломатов в Джунгарию, так и ойратских посланников в Тобольск и Москву (Санкт-Петербург). Зачастую Семипалатинская или Ямышевская крепости становились для них перевалочным пунктом. В связи с прибытием в крепость ойратских дипломатических агентов штаб-офицерам приходилось совершать действия в рамках дипломатического протокола. В одном из своих писем И.М. Вельяминов-Зернов вспоминал: «и марта ж 19-го дня, поставя полатки, выходил я к ним и звал их к себе обедать, и я их спрашивал, зачем их контайша посылает до царского величества» [13, с. 250].

Таможенно-полицейская функция командиров крепостей состояла из двух полусамостоятельных элементов. Таможенная подфункция была связана с активизацией торгового оборота между российскими и джунгарскими жителями в приграничных районах и необходимостью упорядочивания соответствующей деятельности. Штаб-офицеры учреждали специальные «караулы» [9, л. 101], следившие за чистотой торговых операций. Сибирская губернская канцелярия всячески стремилась форсировать строительство «гостиных дворов» в главных точках торговли в Прииртышье: Усть-Каменогорской и Семипалатинской крепостях [14, л. 1]. Однако это встречало скрытое противодействие командиров укреплений, в своих доношениях обстоятельно замалчивавших эту тему.

Становление некоторых крепостей на Иртыше в качестве торговых центров актуализировало полицейскую подфункцию, предполагавшую организацию обеспечения общественного порядка на вверенной штаб-офицерам территории. Как правило, она реализовывалась в отношении российских и иностранных торговых агентов, оказывавшихся в пределах той или иной крепости.

Отсутствие внятной нормативно-правовой базы в сочетании с синкретизмом функционального статуса руководителей гарнизонных канцелярий детерминировали пересечение в деятельности управленцев сразу нескольких функций. Показательным в данном отношении является указ сибирского губернатора П.И. Бутурлина, адресованный Т. Зорину и предполагавший досмотр в Ямышевской крепости не только рядовых джунгарских и бухарских торговцев, но и караванов тех личных посланников контайши, которые покидали пределы России: «товары их осмотреть[:] не имеетца л в тех товарах для провосу ими в свою землю пороху[,] свинцу и протчих заповедных товаров[,] и ежели по осмотру у оных ... явитца порох и свинец и другие какие заповедные товары[,] то оных заповедных товаров в их зюнгорскую землю ... не пропущат» [15, л. 225–225об.].

Кроме того, управленцы организовывали поимку и допросы кочевников и ясачных инородцев, оказывавшихся в районе крепости, реже — беглых русских крестьян. В этих случаях лица, задержанные, как правило, в окрестностях Усть-Каменогорской или Семипалатинской крепости, высылались в Ямышевскую канцелярию.

Стоит отметить, что в некоторых случаях штаб-офицеры в своих доношениях сознательно занижали степень угрозы набегов и осложнения обстановки вблизи укрепления, так как, с одной стороны, не доверяли временами действительно самонадеянным сообщениям задержанных, а с другой — опасались жесткого и не подкрепленного ресурсным насыщением ответа на данные сообщения губернской канцелярии [16, л. 171об.].

Функциональный статус руководителей гарнизонных канцелярий Верхнеиртышских крепостей в первой половине XVIII в. носил эклектичный характер, объяснявшийся отсутствием должной документальной регламентации деятельности локального звена, а также отсутствием в среде имперской элиты единого подхода к осуществлению администрирования в Верхнем Прииртышье. Однако такой на первый взгляд негативный эффект в условиях острого ресурсно-кадрового дефицита, немногочисленности подчиненного населения не означал снижения эффективности и по многим параметрам, наоборот, представлял собой наиболее оптимальный вариант выстраивания структуры управления.

Библиографический список

1. Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720-х гг. : документальная монография. — Барнаул, 2015.
2. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. — Барнаул, 1998.
3. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. — М. ; Новосибирск, 2003.
4. Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. — Уфа, 2007.
5. Ананьев Д.А. К вопросу о компетенции комендантов пограничных крепостей Южной Сибири в первой половине XVIII в. // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII — XX вв.: материалы Международ. науч. конф. — Новосибирск, 2011.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 24 (Разряд XXIV. Сибирский приказ и управление Сибирью). — Оп. 1. — Д. 25.
7. Зуев А.С. Штатная реформа сибирского казачества 1737 г. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2007. — Т. 6, вып. 1.
8. РГАДА. — Ф. 248 (Сенат и его учреждения). — Оп. 13. — Кн. 690. — Д. 57.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 20 (Воинская экспедиция Военной коллегии). — Оп. 1/47. — Д. 108.
10. РГВИА. — Ф. 20. — Оп. 1/47. — Д. 117.
11. РГВИА. — Ф. 20. — Оп. 1/47. — Д. 45.
12. РГВИА. — Ф. 20. — Оп. 1/47. — Д. 318.
13. Международные отношения в Центральной Азии. XVII — XVIII вв. : документы и материалы. — М., 1989. — Кн. 1.
14. РГАДА. — Ф. 214 (Сибирский приказ). — Оп. 2. — Д. 96.
15. РГАДА. — Ф. 415 (Сибирская губернская канцелярия). — Оп. 1. — Д. 13.
16. РГАДА. — Ф. 248. — Оп. 6. — Кн. 334. — Д. 18.